

УДК 101.1:316.346.2

ПОСТГЕНДЕРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВИРТУАЛЬНОГО: ГЕНЕЗИС АНДРОГИННОСТИ

В. А. Ульянов

Московский гуманитарно-экономический институт

Поступила в редакцию 18 октября 2012 г.

Аннотация: *статья посвящена проблеме трансформации бинарной гендерной модели в контексте появления виртуального. Один из главных выводов заключается в том, что классическая дифференциация полов, которая лежала в основании цивилизации на протяжении многих столетий, преобразуется в андрогинную. Ключевую роль в этом процессе играет виртуальное, которое переводит субъект в постгендерное пространство.*

Ключевые слова: *виртуальное, гендер, половая дифференциация, постгендеризм, трансгуманизм.*

Abstract: *the article deals with the problem of change in the binary gender model caused by the onslaught of the virtual. One of the main conclusion here is that the traditional sex division that lay for centuries in the basis of civilization are being steadily supplanted by the androgynous merging of sexes. The role of the virtual in the process of with its subject well beyond any definite gender and sex can hardly be underestimated.*

Key words: *gender, the virtual, sex, postgenderism, transhumanism.*

Единственный способ определить границы возможного – выйти за эти границы.

Артур Кларк

2012. № 2

158

Растущая виртуализация сознания в современной социокультурной ситуации во главу угла ставит проблему определения гендерной идентификации и самоидентификации. Меняется природа отношений людей друг с другом. На протяжении всей истории цивилизации, от возникновения первых государственно-политических образований в долине Нила и междуречье Тигра и Евфрата, примерно шесть тысяч лет назад, бинарная гендерная идентификация лежала в основе жизнедеятельности общества. Через призму этой парадигмы воспринималась реальность как таковая во всём своем многообразии и сложности: мифологические, религиозные, философские конструкции, созданные человечеством на протяжении этого времени, несут отпечаток той модели половой дифференциации и, стало быть, различения гендерных статусов, которая основана на признании наличия мужского и женского начал.

Как отмечают исследователи¹, биологические и гендерные характеристики – это наиболее мощная сила, обеспечивающая динамичное развитие общества через конкуренцию мужчин и женщин, обладающих разными физиологическими особенностями и как следствие возможностями в этой конкурентной борьбе, результатом которой и стала эволюция человеческой культуры и цивилизации.

Казалось бы, нет ничего более безусловного, чем разделение *Homo sapiens* по половому признаку. Однако логика развития человечества оказалась такова, что эти безусловные морфологические различия психотипов и иных характеристик, свойственных двум полам, с течением времени оказались подвергнуты интенсивному воздействию самой цивилизации. Иными словами, бинарная гендерная парадигма перестает быть аксиомой человеческого бытия. На протяжении как минимум последних двухсот лет в рамках развития западного культурно-исторического типа систематической деконструкции подвергались традиционные архаичные нормы и способы социальной организации, основанной на патриархальном по своей сути типу взаимоотношений людей в социальном процессе.

Утверждение принципа равенства полов (если иметь в виду правовой аспект проблемы) происходило на фоне изменения облика западной культуры в связи с нарастанием технологизации последней. Становление техногенной цивилизации, уходящей корнями в эпоху античности, но получившей более или менее отчетливые очертания в XV–XVI вв., в конечном итоге привело к беспрецедентному росту темпов производства, появлению новых технологий. Как результат прежняя социальная дифференциация, основанная на фундаментальных половых различиях, постепенно стала уходить в прошлое. Вместе с ней исчезла та парадигма принуждения в отношении женщин со стороны мужчин, которая неоднократно подвергалась критике в эпоху Нового времени и стала катализатором для развития радикального феминистского движения в Европе и США.

---

¹ «Today however, our Enlightenment values and emergent human potentials have come into conflict with the rigid gender binary. We have spent the last two hundred years in the West slowly dismantling the heritage of patriarchal power, culture and thought. Juridical equality, weapons and the police have reduced the determinative power of male physical coercion. Post-industrial production, contraception and abortion have eliminated most of the rationale for gendered social roles in work and the family, reducing the burden of patriarchal oppression on women». «Сегодня, однако, наши ценности Просвещения и вновь приобретенный человеческий потенциал вошли в конфликт с жесткой бинарной гендерной системой. Мы потратили последние два столетия на Западе для того, чтобы постепенно демонтировать наследие патриархальной власти, культуры и мысли. Юридическое равноправие, оружие и полиция ограничили возможность для мужчины прибегать к физическому принуждению в качестве решающего аргумента. Постиндустриальное производство, контрацепция и аборт устранили большинство оснований для гендерной дифференциации социальных ролей на работе, в семье, ограничив бремя патриархального подавления в отношении женщин» [1, р. 2].

Одна из классических установок в отношении преодоления такого наследия патриархата зафиксирована в знаменитом Коммунистическом манифесте К. Маркса и Ф. Энгельса. С точки зрения того типа ментальности, который утвердился в Европе Нового времени, появление этого манифеста, провозгласившего необходимость преодоления эксплуатации женщины со стороны мужчины и демонтаж семьи как социального института, лежащего в основе любой формы эксплуатации, надо оценивать в перспективе построения коммунистического общества. Всё это в совокупности может считаться вполне симптоматичным. Прежние «правила игры», основанные на бинарной гендерной дифференциации, постепенно стали преодолеваются. Неудивительно, что этот процесс проявил себя поначалу сугубо в сфере преодоления юридических, социальных и общекультурных различий, вплоть до стиля одежды и поведенческих стереотипов. Однако, как оказалось позднее, этот процесс не ограничился развитием лишь отмеченной нами выше тенденции. Он всё более и более отчетливо обозначает себя в попытках преодоления существенных характеристик гендерной самоидентификации.

Усилия, направленные на сглаживание «острых углов» патриархального способа социальной организации, постепенное преодоление гендерных различий, возникших и сформировавшихся в рамках последней, касаются самых разных аспектов культурной эволюции человека, по крайней мере в рамках современной западной цивилизации.

В высшей степени симптоматично появление таких знаковых явлений дискурса в отношении статуса гендера и принципов гендерной дифференциации, как *postgenderism*. Это явление, возникшее относительно недавно, стало своеобразным итогом дискуссии о статусе полов и принципов половой дифференциации, которая в той или иной форме шла в течение последних двухсот лет в Европе и Америке. Сторонники постгендеризма предлагают бросить вызов ограничениям биологического и социального порядка в отношении гендера и сексуальности как таковой. Они предлагают выйти за рамки традиционной бинарной парадигмы гендерной идентификации, используя высокотехнологичные инструменты в медицине и биологии, а также инструменты социально-политического воздействия на формирование общественного сознания. Оно, с их точки зрения, должно раз и навсегда покончить с остаточными явлениями архаического мировосприятия пола, которые были свойственны ранним этапам развития человеческой культуры.

Технологический процесс нивелирует гендерные различия. Но только эрозия самого биологического пола, способности различения сексуальных статусов и ролей, которая укоренена в мозговой активности человека и, будучи осуществлена при помощи новых технологий, должна предоставить каждому человеку доступ к новым потенциальным возможностям, открывающимся в этой перспективе. Вне зависимости от того, принадлежностью какого пола человек оказался при рождении.

Манифест постгендеризма в высшей степени оптимистично оценивает перспективу нивелирования половых различий между людьми,

поскольку, с точки зрения его сторонников, возникновение нового типа человека, по сути своей андрогинного, способно бесконечно обогатить человеческое сознание и социальную практику за счет глубочайшего синтеза и теснейшего взаимодействия элементов женского и мужского в одном человеке. Их слияние обеспечит возникновение принципиально новой человеческой природы, которая будет лишена ограничений, недостатков, связанных с узкогендерным восприятием реальности, что, по мысли сторонников постгендеризма, станет своеобразным финальным этапом в эволюции *Homo sapiens* в области гендера.

Справедливости ради стоит отметить, что постановка вопроса о преодолении гендерной бинарности не является отличительной характеристикой индустриального и постиндустриального этапов развития западной цивилизации. Сама по себе потенция к постановке такого вопроса содержится в культурном контексте человечества, если иметь в виду, что с самых ранних этапов его развития никогда не существовало никакой четкой бинарной дифференциации между полами, поскольку половая идентификация и как следствие гендерная роль индивида оценивалась с большей или меньшей степенью вариативности.

Речь идет о промежуточных формах указанной идентификации и существовании гомосексуальности на всем протяжении культурной истории человека. Цивилизации Месопотамии, Египта, Греции и Рима изобилуют примерами широкого использования гомосексуальной практики в социальной и политической сферах жизни общества. Например, миф о любви Агдестиса к Аттису во Фригии или убийство двумя афинскими любовниками Гармодием и Аристогейтоном афинского тирана Гиппарха в 514 г. до н.э.

Не углубляясь в данную тему, отметим, что подобного рода явления означают лишь то, что сама по себе гендерная идентификация – вещь более или менее условная. Она, конечно, привязана к физиологическим особенностям человека, к тем половым характеристикам, которые в основном ассоциируются с гениталиями. Тем не менее, имея в виду более широкий социокультурный контекст, она всякий раз оказывается чем-то более или менее относительным. Некоторые сторонники постгендеризма говорят о том, что это обстоятельство указывает на недостаточность, своеобразную дефицитность половой маркировки человека в жестких психофизиологических рамках того или иного пола. Индивид как бы выходит за пределы своей сексуальной ограниченности, по крайней мере бессознательно или сознательно пытается расширить сферу применения, диапазон его сексуальных действий, и это указывает на ограниченность бинарной гендерной модели.

Древнейшие языческие цивилизации на территории Земли сохраняли глубокое понимание относительности половых и гендерных признаков и идентификаций. В этом смысле их можно считать весьма либеральными относительно сексуальности человека и различных ее проявлений.

Наступление христианской эры стало одним из поворотных этапов в развитии человеческой культуры. Христианство, будучи изначально иу-

дейской сектой, ответвлением ветхозаветного иудаизма, унаследовало свойственную последнему бескомпромиссность в регуляции сексуального поведения человека, его сексуальной и гендерной идентификации. Табуирование тех форм сексуальной активности, которые не ведут к репродуктивности в рамках ветхозаветного иудаизма, а затем и христианства, можно считать попыткой добиться улучшения демографической ситуации еврейского народа. Эта установка была унаследована христианством и стала одним из наиболее мощных инструментов психологического воздействия на индивида. Совершенно очевидно, что, контролируя человеческую сексуальность, можно рассчитывать на контроль человеческого сознания как такового. Евреи решали вопрос подавлением любых форм сексуальной активности, которые не вели к деторождению, в силу исторических обстоятельств будучи постоянно в ситуации обороняющейся стороны, сражающейся за сохранение своей культурной, языковой, религиозной и этнической идентичности, и вынуждены были прибегнуть к жесткой регламентации сексуальной деятельности человека, табуируя, скажем, гомосексуализм.

Что касается христиан, то они оказались в иной социокультурной ситуации, нежели жители Ближнего Востока, придумавшие Тору, но, тем не менее, удержали этот репрессивный аппарат в отношении сексуальной активности человека и продолжают удерживать его до сегодняшнего дня.

То обстоятельство, что сексуальная активность человека ассоциируется с грехом, виной и нечистой совестью, а также те формы сексуальной деятельности человека, которые не ведут к репродуктивности и с точки зрения христианской доктрины оказываются греховными и порочными и в общем и целом подлежат табуированию, продолжают сохранять их значение до настоящего момента. Однако, как это часто бывает в истории, движение маятника в одну сторону, в сторону ригоризма и регламентации в отношении «неканонических» форм сексуальной активности в рамках христианской традиции, в особенности в эпоху Средневековья, вызвало обратную реакцию. Не будет большим преувеличением сказать, что развитие либертианского движения в Европе в эпоху Просвещения, постепенная либерализация половой жизни человека и, как отмечалось выше, постановка вопроса о постгендерном человеческом бытии – всё это может быть оценено как своеобразная реакция в отношении христианского ригоризма в вопросах секса и половой идентификации.

Пожалуй, первым, кто в эпоху Нового времени поставил данный вопрос, был немецкий сексолог Магнус Хиршфельд, последователь немецкого писателя Карла Генриха Ульриха². История современного об-

---

² В серии книг «Исследование загадки любви между мужчинами», написанных в 1860–1870-х гг., Карл Генрих Ульрих предложил термин «уранизм» для обозначения гомосексуальности. Ульрих разработал классификацию человеческих типов. Он полагал, что гомосексуалы не являются ни мужчинами, ни женщинами, а представляют собой третий пол. Таких людей он именовал «уранами» или «урнингами» (причем считал, что любовь уранов более возвышенна, чем любовь между мужчиной и женщиной).

щественного движения за либерализацию сексуальных отношений на Западе чаще всего начинается с этого имени, потому что именно Хиршфельд выступал за легализацию гомосексуальности, утверждая, что те люди, которые имеют сексуальные и гендерные отклонения от бинарной модели, должны быть признаны третьим полом. По окончании Первой мировой войны Хиршфельд учредил Институт сексуального исследования в Берлине, организовал первый конгресс за сексуальную реформу в 1921 г. Один из первых актов нацистского правительства 1933 г. заключался в том, чтобы закрыть этот институт и сжечь библиотеку, что в принципе неудивительно, поскольку сексуальная программа Третьего рейха исключала любые формы гомосексуальности, настаивая на необходимости жестко следовать бинарным принципам сексуальной и гендерной дифференциации.

Идеи Хиршфельда в значительной мере продолжены, развиты американским сексологом Альфредом Кинси, который в своих знаменитых отчетах 1948 и 1953 гг. предложил принципиально новую систему оценки человеческой сексуальности (так называемую «шкалу Кинси», где ноль означает, что объект полностью гетеросексуален, а шестерка – его исключительную гомосексуальность). В работе «Сексуальное поведение человеческой особи женского рода» 1953 г. он пишет: «Для человеческого сознания характерна попытка дихотомизации в классификации этого феномена, сексуальное поведение считается или нормальным или ненормальным, социально приемлемым или не приемлемым, гетеросексуальным или гомосексуальным, многие не хотят верить, что существует градация в этих вопросах» [2, p. 42].

Одним из важных выводов Кинси и его команды стало заключение о том, что значительная часть представителей *Homo sapiens* бисексуальна. К началу 90-х гг. XX в. бисексуалы стали чем-то вроде класса, своеобразной частью человеческого сообщества, имеющей собственную сексуальную идентификацию, по крайней мере в рамках западной культуры, и претендующей на соответствующие этому социальный статус и признание.

Как отмечалось, до поры до времени рассуждения о преодолении половых различий и как следствие гендерных ролей ради выхода человека на новый этап эволюционного развития касались по большей части социально-политических, правовых и иных аспектов, не затрагивая

Ульрих полагал, что уранизм является врожденным свойством человека, и утверждал, что гомосексуалы вследствие этого не должны привлекаться к уголовной ответственности. 29 августа 1867 г., выступая на Конгрессе немецких юристов в Мюнхене, Ульрих заявил, что антигомосексуальное законодательство должно быть упразднено. Такое предложение в то время не встретило понимания юристов. За создание «Союза уранистов» Ульрих был заключен в тюрьму на два года. Теоретические построения Ульриха отличались от взглядов других современных ему ученых тем, что он считал гомосексуальность разновидностью нормы, а не патологией. Он первый описал гомосексуальную личность и ввел термин «сексуальная ориентация», предполагая, что она является естественной и неизменной.

глубинных биологических характеристик человека как вида. Однако с течением времени дискурс зашел так далеко, что вопросы, связанные с необходимостью видоизменения самой человеческой природы, перестали шокировать даже представителей консервативной части западного общества. Неудивительно, что радикализация дискурса в отношении преодоления бинарной гендерной парадигмы была достигнута в рамках развития тех интеллектуальных и политических течений, которые носили нонконформистский, а часто и откровенно радикальный характер и группировались вокруг сексуальных меньшинств. Прежде всего речь идет о представителях феминистского движения, которое имело тенденцию к переходу от сугубо социально-политического дискурса в область медицины и биологии, что во многом санкционировало этот переход, сделав возможным для западного общества как минимум согласиться с постановкой названной проблемы.

Знаковой фигурой в данном процессе стала Донна Харавей. В 1984 г. эта феминистка-социалистка выступила как теоретик постгендеризма. Она отмечала необходимость технологической трансгрессии в вопросах половой и гендерной идентификации для того, чтобы добиться окончательного освобождения мужчин и женщин от гендерной и сексуальной бинарности. В своем знаменитом эссе 1984 г. «A Cyborg Manifesto : science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century» она утверждала, что именно через размывание границ между человеческими существами и машинами, через интеграцию женщин и машин в новый архетип культуры, основанный на принципе андрогинности, человечество сможет обрести освобождение от остаточных явлений патриархальности и капитализма. «A cyborg is a cybernetic organism, a hybrid of machine and organism, a creature of social reality as well as a creature of fiction. Social reality is lived social relations, our most important political construction, a world-changing fiction. The international women's movements have constructed 'women's experience', as well as uncovered or discovered this crucial collective object. This experience is a fiction and fact of the most crucial, political kind. Liberation rests on the construction of the consciousness, the imaginative apprehension, of oppression, and so of possibility. The cyborg is a matter of fiction and lived experience that changes what counts as women's experience in the late twentieth century. This is a struggle over life and death, but the boundary between science fiction and social reality is an optical illusion»³ [3].

---

³ «Киборг – это кибернетический организм, гибрид машины и биологического тела, создание социальной реальности в той же мере, в какой создание художественной литературы. Социальная реальность – это живые социальные отношения, самая важная наша политическая конструкция, меняющая мир выдумка. Международные женские движения сконструировали «опыт женщин», равно как и открыли этот главный коллективный объект, этот опыт – фикция и одновременно явление важного политического свойства. Освобождение зиждется на построении сознания, воображении, подавлении и чувстве возможности. Будучи по сути своей сочетанием вымысла и живого опыта, киборг – это существо, которое

Данная установка была подхвачена множеством последователей Донны Харавей. Один из них – философ Питер Сингер заявил в работе 2001 г. «A Darwinian Left : politics, Evolution and Cooperation», что существует биологически обусловленная тенденция в отношении эгоизма и иерархического членения человеческого общества, коренящаяся в самой природе человеческого общества и довольно успешно противодействовавшая любым попыткам эгалитаристской социальной реформы. Если левая программа социальной реформы рассчитывает на то, чтобы добиться успеха, необходимо задействовать новые генетические и неврологические технологии для того, чтобы идентифицировать и модифицировать аспекты человеческой природы, вызывающие конфликт и состязательность сторон. Борьба за постгендерное бытие человечества не ограничивается лишь разрешением сугубо социальных либо политико-экономических проблем, связанных с традиционной парадигмой неравенства мужчин и женщин. Это не стремление к нивелированию различий в социальной плоскости, но, как уже отмечалось, радикальная попытка преодоления гендерной бинарности как таковой.

Указанная цель была сформулирована в рамках феминистского движения, а также в манифестах сексуальных радикалов 70-х гг. XX в. Так, в работах радикально настроенного психолога Сандры Беем, автора «Scoring packet : bem Sex Role Inventory», вышедшей в свет в 1974 г., произошла своеобразная реконцептуализация гендерных черт, в результате чего возникла теория «гендерного континуума», в рамках которой наиболее правильной и здоровой, с точки зрения развития индивида, признается андрогинная половая ориентация, т. е. сочетание и мужского и женского начал в одном человеке. С точки зрения Сандры Беем, андрогинны имеют высочайший уровень самооценки, они психологически наиболее уравновешенны, имеют гораздо более высокий интеллект, чем «традиционные» мужчины и женщины, и в этом смысле могут быть оценены как та перспектива эволюции Homo sapiens, к которой всем нам стоит стремиться. В рамках движения New Earth концепция андрогина была обогащена в значительной мере благодаря таким тенденциям, как Духовный Трансенсус и Трансперсональная психология. Они отстаивают утверждение о том, что внутреннее духовное начало человека находится за пределами любых сексуальных ограничений, не является ни мужским ни женским, но андрогинным по сути. С точки зрения человеческой духовности андрогинность является приоритетной в отношении к предшествовавшей гендерной жизни индивида, социально обусловленной и ущербной в ее сущности.

С точки зрения практического перехода от философского и психологического дискурса к неким действиям, оформлению постгендеризма как самобытного движения чрезвычайно важной была та фаза эволюции последнего, которая имела место после окончания Второй мировой вой-

---

меняет женский опыт в конце 20-го в. Это борьба за жизнь и смерть, но граница между научной фантастикой и социальной реальностью – это лишь оптическая иллюзия».

ны, когда были осуществлены первые хирургические и гормональные эксперименты по превращению мужской особи в женскую, и наоборот. Одним из революционных шагов была операция по изменению пола, предпринятая в 1952 г. в отношении американского солдата Кристины Йоргенсен. Эта операция включала в себя наличие грудных имплантантов и была осуществлена в Дании. При этом следует иметь в виду, что первые «жертвы» изменения пола вряд ли причисляли себя к движению постгендеризма. Напротив, они стремились к адаптации тех стереотипов половой идентификации, которые уже существовали на момент осуществления хирургических операций, гормональной терапии для изменения пола этих людей, стремясь в возможно большей мере соответствовать этим стереотипам.

Более того, с точки зрения традиционной медицины того времени отсутствие четкой гендерной привязки у кандидата для изменения пола могло быть оценено докторами как фактор, препятствующий этому изменению.

Ситуация стала меняться в 80-е и особенно в 90-е гг. XX в., когда бинарная парадигма сексуальной дифференциации стала подвергаться массивной атаке со стороны радикально настроенных геев и лесбиянок, а также транссексуалов. Всё чаще стали раздаваться призывы к отказу от этой модели. С течением времени возникла новая субкультура, которую можно назвать «gender queer» или культура «странного пола». Один из манифестов этого движения – работа Джудит Батлер «Gender Trouble : feminism and the Subversion of Identity». Основной тезис этой работы заключается в том, что настоящий феминизм должен пытаться подвергнуть деконструкции и освободить нас от навязанных нам взаимоотношенностей между половыми признаками индивида и гендером как социальной ролью, а также гетеросексуальной ориентацией индивида. Гендерная бинарность должна быть отвергнута раз и навсегда. Этот тезис был развит и дополнен и в других манифестах постгендеризма.

В современной культурной ситуации происходит пролиферация сексуальных ролей, широкое включение игрового компонента в сексуальную жизнь индивида, а также интенсификация различных форм и видов общения между людьми и в internet-пространстве. Всё это в совокупности привело тенденцию постгендеризма в качественно новое состояние. Открывается перспектива постепенного преодоления зависимости от бинарной гендерной парадигмы не только в сфере теории или медицинской практики, но и – что еще более важно – в сфере коммуникаций. Эта тенденция, получившая особенно интенсивное развитие в конце XX – начале XXI в., в немалой степени была спровоцирована успехами в области высоких технологий, прежде всего в медицине. Появились всё более настойчивые призывы к тому, чтобы использовать новые технологии с тем, чтобы целенаправленно выйти за пределы ограничений, налагаемых на человека его собственной морфологией, а стало быть, и добиться окончательного искоренения любой гендерной (сексуальной) привязки индивида. Свообразным философским (идеологическим) обоснованием

этой установки стало движение трансгуманизма⁴, которое настаивает на необходимости для человека выйти за пределы биологической детерминации и нередко предлагает виртуальную модель бытия в качестве аналога последней.

Одним из первых, кто сформулировал названный подход, был Грег Эган, автор нашумевшего романа «Diaspora», в котором «загруженное» (downloaded) общество состоит из андроидов с весьма размытыми сексуальными ролями и психологическими характеристиками, которые используют нейтральные по отношению к гендерной идентификации обозначения в своей речи. С точки зрения представителей движения первый шаг в направлении реализации нового человеческого бытия – разведение понятий секса и деторождения. Человек должен систематически преодолевать биологический характер своей природы за счет создания искусственных способов репродукции, а также получения палитры сексуального удовлетворения и иных эмоциональных переживаний, связанных с сексуальной активностью, носителем которых будет не его тело, а искусственный аналог последнего. Такую перспективу открывают исследования в области клонирования, создания искусственных половых органов, имплантантов, использования стволовых клеток для выращивания новых тканей и т.д. «At the beginning of the 21st century, however, posthumanist and transhumanist discourses about using technologies to intentionally transcend the limitations of the human body began to address the transcending of gender. Trans- or post-humans would at least be able to transcend the limitations of biological sex, and would eventually be able to transcend the biological altogether into cybernetic or virtual form»⁵.

---

⁴ Трансгуманизм – это рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека.

Трансгуманизм иногда еще называют постгуманизмом или ньюгуманизмом. Всё же, судя по всему, за новым мировоззрением закрепляется название именно «трансгуманизм». Приставка «транс» в данном случае образует значение «лежащий за пределами чего-либо», «выходящий за пределы», как в слове «трансформация». Термин был предложен основателем ЮНЕСКО Джулианом Хаксли в 1957 г.

Трансгуманизм – это новый этап в развитии гуманизма, научно ориентированное мировоззрение, согласно которому современный человек не является вершиной эволюции, но скорее – началом эволюции вида *Homo sapiens*.

⁵ «В начале 21-го века, однако, дискуссии в рамках движения постгуманизма и трансгуманизма относительно использования технологий для преднамеренного преодоления ограничений, связанных с человеческим телом, стали обращать внимание на возможность преодоления гендерных различий как таковых. Транс- или постгуманисты по меньшей мере были бы в состоянии преодолеть ограничения биологического пола и в конечном итоге смогли бы преодолеть биологическое, всецело перейдя к кибернетическим или виртуальным формам» [1, p. 12].

Современное состояние медицины, прежде всего пластической хирургии, а также наличие новейших биотехнологий позволяют утверждать, что создана экспериментальная база модификации половых органов человека, а следовательно, открывается перспектива для преодоления традиционных форм половой и гендерной самоидентификации. Однако вряд ли человечество остановится на косметической хирургии в отношении гениталий или обмене гениталий для тех, кто планирует осуществить операцию по перемене пола. Создание искусственных тканей и так называемые нанонейронные интерфейсы, а также иные hi tech технологии в этой области открывают перспективу моделирования принципиально нового типа половых органов.

В 2004 г. Йен Макдонольд опубликовал роман «River of Gods», в котором предлагает новую сексуальную идентичность и субкультуру так называемых ньютов (newt) или нейтралов, которая возникла из культа Хижра (Hijra) в Индии. Его адепты имеют таким образом хирургически измененные половые органы, чтобы те приобрели андрогинную форму. Что касается устройства мозга этих нейтралов, то последний генетически приспособлен для андрогинного восприятия реальности и дает его обладателю возможность иметь более широкий контроль над сексуальной активностью, чем бывает у «традиционных» мужчин и женщин.

Появление виртуальности как культурного феномена обеспечило беспрецедентные возможности для преодоления гендерной бинарности за счет обеспечения текучести сексуальных различий, их относительности и взаимоперехода в рамках своеобразной on-line мимикрии.

Пожалуй, первым этапом в процессе виртуализации сексуальности как феномена можно считать появление наскальных рисунков пещер древнейшего человека. Затем этот процесс стал набирать обороты и в конечном итоге привел нас к тому перечню культурных феноменов, без которых современная эрзац-культура просто немислима. Речь идет о порнографии, сексе по телефону, интерактивном сексе посредством live internet, порноторрентах, социальных сетях, сайтах знакомств, сексе в «виртуальных мирах» и т.д.

Одним из наиболее впечатляющих достижений в процессе виртуализации сексуальной активности является отрыв тактильных ощущений от их физического носителя, собственно человеческого тела. Имитация ощущений вне телесного (биологического субстрата) означает революционный прорыв, поскольку возникают возможности для создания широкого диапазона искусственных сенсорных реакций (ощущений, переживаний и т.д.) в отрыве от их физического носителя и безотносительно к его физиологически предзаданной половой принадлежности.

У виртуального секса есть целый ряд весьма существенных преимуществ в сравнении с традиционным: он безопаснее; практикуя такого рода сексуальную активность, невозможно заразиться биологическим способом или забеременеть, его легче осуществить, поскольку прелюдии и физическое место не являются необходимыми; и наконец, он может быть осуществлен в любое время, его протяженность и другие характе-

ристики зависят от пожеланий, выбор партнера или партнеров является сугубо технической процедурой, предоставляемой non-stop 24 часа в сутки.

В рамках виртуального секса можно достичь высокой степени удовлетворения через реализацию самых сокровенных потаенных и смелых желаний, осуществление которых в живой сексуальной практике представляется подчас затруднительным. Виртуальный субъект как своеобразная копия субъекта физического обладает высочайшей степенью совершенства, которую можно наращивать практически до бесконечности, что является также весьма важным психологическим и культурным преимуществом подобного рода сексуальной активности. Если иметь в виду, что культура от начала веков до сегодняшнего дня есть систематическое преодоление в человеке его животного начала за счет надстраивания (наращивания) его сверхприродного потенциала, то тогда появление виртуальной реальности может ознаменовывать апофеоз этого процесса, поскольку виртуальность предлагает индивиду возможности беспрецедентно широкой комбинаторики в изменении параметров своего «Я», его внешних и внутренних характеристик.

Одна из устойчивых тенденций в рамках виртуальной сексуальной активности – это всё более и более часто встречающиеся изменения самоидентификации виртуального субъекта в отношении его физического аналога, если иметь в виду гендерную (половую) принадлежность. Мужчины выдают себя за женщин, женщины за мужчин. Наблюдается устойчивая тенденция размывания всякой половой определенности, постепенное слияние полов в некое усредненное «оно», которое обладает андрогинными характеристиками с гораздо более широким диапазоном действий, нежели физический субъект. В связи с этим можно предположить, не является ли само появление виртуальной реальности и как следствие виртуальной сексуальности своеобразным ответом на бессознательный вызов, заключенный в самой биологической природе человека, вызов, сопряженный с неким внутренним и часто не осознанным драйвом, направленным на преодоление собственной половой ограниченности и обнаружение в себе того андрогинного потенциала, который виртуальность позволяет воплотить в полной мере?

Андрогин как финал и апофеоз культурной эволюции человека теперь уже не кажется столь шокирующе неприемлемым вариантом развития событий. По оценке исследователей, в ближайшей временной перспективе (сорок–пятьдесят лет) мозг человека будет оснащен нанонейронными сетями, что в конечном итоге позволит индивиду испытывать полный набор телесных ощущений в их виртуальной редакции. И тем самым делает возможным занятие сексом в любом диапазоне, с любыми ролевыми изменениями, комбинируя виртуальное и материальное в любых пропорциях.

Создание искусственного интеллекта и обеспечение автономии его существования по отношению к физическому субъекту будет означать окончательную утрату последним какой-либо ценности. Произойдет

полное и бесповоротное поглощение физического субъекта его виртуальным аналогом, в результате которого гендерные различия, основанные на бинарной модели, окончательно уйдут в прошлое, а сама сексуальная активность перестанет быть привязана к традиционной (биологической) половой идентификации. Потребность в традиционном, физическом теле окончательно отомрет в тот момент, когда будет достигнута 100 %-ная имитация всего спектра ощущений, который обеспечивает человеку его телесность, за счет виртуализации последних. В физическом смысле субъекту нужен будет только мозг для того, чтобы испытать эту палитру ощущений. Таким образом, именно мозг, пожалуй, станет последним бастионом апокалипсического столкновения с искусственным, бастионом, который, впрочем, тоже осужден к тому, чтобы пасть.

Подведем некоторые итоги. Половая самоидентификация является основой тождества личности ($A=A$) и первичной основой для социального структурирования (матриархат, патриархат), выбора социальных ролей и функций. В конечном итоге любое человеческое сообщество до появления виртуальной реальности было фундаментально сообществом мужчин и женщин (хотя периодически и происходила смена этих ролей в игровой практике). Ситуация изменилась, когда секс как источник удовольствия окончательно перестал ассоциироваться (отождествляться) с репродуктивностью и приобрел автономный характер. Либерализация сексуальной активности привела к размыванию половой идентификации, поскольку неуклонное расширение диапазона сексуальной активности имело результатом растущее осознание ограниченности естественно-биологических (анатомических) ресурсов *Homo sapiens* и как следствие вело к преодолению этой ограниченности за счет изменений сексуальной природы индивида (трансгендер). Биологически обусловленная маркировка человека (мужчина/женщина) уступает место квалификации половой принадлежности как ролевой игры. Понятия «мужчина» и «женщина» становятся условными благодаря появлению виртуальной реальности, которая предоставляет субъекту уникальную возможность не просто смены половой идентификации (гендера), но и отмены последней как анахронизма. Сексуальная активность осуществляется здесь за рамками половой маркировки, как «постгендерное оно».

В известном смысле это возврат к догендерной мифологической нерасчлененности «оно»-сознания, полиморфному эротизму и синкретизму древнейших этапов развития человека. Возникает вопрос: почему происходит эволюция от предгендера к гендеру, трансгендеру и к постгендеру? В этой эволюции просматривается настойчивое желание человека освободиться от собственной природы как определенности, «бытийности», именно в силу ограниченного характера последней. Логика, на наш взгляд, здесь проста и очевидна. Этот силлогизм может выглядеть следующим образом: первая посылка – «я смертен, потому что я человек», вторая посылка – «я хочу быть бессмертным», заключение – «я должен перестать быть человеком». Если виртуальное есть апофеоз культурной эволюции, то код культуры – это систематическое преодоление челове-

ком собственной природы (своеобразный культурный суицид), который осуществляется за счет последовательной деконструкции той гештальт-модели бытия, которая основана на принципах онтологизма и эссенциальности, структурности, системности и стабильности.

Социальная проекция такого бытия предполагает неизменную и стабильную бинарную гендерную модель. Преодоление последней означает переход к постсоциальности, когда любая связь носит случайный, спонтанный, игровой характер. Стало быть, социум как онтологическая система в виртуальном пространстве попросту перестает существовать, ему на смену идет сетевой (виртуальный) социум.

Виртуализация общества с необходимостью влечет за собой десоциализацию, утрату структурности, иерархии управления, демонтаж социальных институтов, исчезновение социального субъекта. Социальная сеть становится аналогом родовой общины, виртуальное сознание – технологической версией архаического мифа.

Литература

1. Postgenderism : beyond the Gender Binary / George Dvorsky and James Hughes PhD, Institute for Ethics and Emerging Technologies [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ieet.org/archive/IEET-03-PostGender.pdf>. – Загл. с экрана.

2. *Kinsey Alfred C. Sexual Behavior in the Human Female* / Alfred C. Kinsey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://books.google.ru/books?id=9GpBB61LV14C&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false. – Загл. с экрана.

3. *Haraway Donna. A Cyborg Manifesto : science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century* / Donna Haraway // *Simians, Cyborgs and Women : the Reinvention of Nature*. – New York ; Routledge, 1991. – P. 148–181.

Московский гуманитарно-экономический институт

Ульянов В. А., кандидат философских наук

Тел.: 8-920-406-60-37, 228-88-95

Moscow Institute of Humanities and Economics

Ulianov V. A., Candidate of Philosophy
Tel.: 8-920-406-60-37, 228-88-95